

Безручка

Жил-был брат с сестрой; брат охотник был за охотою ездить, зайцев ловить, а сестрица охотница была заячьи пупочки есть. Он поедет, говорит: «Прощай, сестрица!». А приедет: «Здорово, сестрица!». Каждый раз так, и ничего она не едала, кроме заячьих пупочков. Вот жене и не любо стало, что брат с сестрой прощается и здороваётся. В первый раз поехал, жена взяла на стойле коня зарезала. Едет муж, она его и встречает. «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Что твоя милая сестрица наделала: что ни лучшего коня на стойле зарезала!». А он и говорит: «Ну, не с конем жить, а с родимой сестрицей!». Пришел, опять говорит: «Здорово, сестрица» — да заячьи пупочки подает ей на ноже. И опять поехал за зайцами: «Прощай, говорит, сестрица!».

Жене опять пуще досадно стало. Во второй раз что ни лучшего вола на стойле зарезала. Вот идет опять муж; она опять встречает его: «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Что твоя сестрица наделала: что ни лучшего вола на стойле зарезала». А он опять и говорит: «Ну, говорит, не с волом жить, а с родимой сестрицей». Пришел, опять говорит: «Здорово, сестрица!» — потом опять поехал за зайцами. «Прощай, говорит, сестрица!».

Она опять в третий-то раз детища своего в колыбели зарезала. Идет муж с охоты, она опять его встречает: «Поди, мой друг милый, поди, мой друг любезный! Посмотри, что твоя сестрица наделала. Ты все ей прощаешь!». Он спрашивает, говорит: «Что такое?». — «Твоего детища, говорит, в колыбели зарезала». Он рассердился на сестру, собрал сход и говорит: «Братцы мои! Что вы мне присоветуете с сестрой делать? И все беды и все вины ей прощал: во-первых, любого коня, во-вторых, любого вола, в-третьих, любого детища зарезала». Народ и присоветовал: «Дай ей, говорит, топор, коли она свои руки отрубит, то она твоего детища зарезала, коли она своих рук не отрубит, то не она твоего детище зарезала ». Дали ей топор, она и говорит: «Нет, говорит, братец родимый! Я своих рук не могу рубить, а коли хотите, рубите сами». Брат топор взял, руки ей отрубил, одел ее в шубеночку, подпоясал и послал со двора: «Ступай, куда хочешь».

Она ходила, ходила, ходила и пришла в царский сад, перелезла кой-как через плетень и стала жить в саду, захотелось ей поесть, она яблочки

надкусывала: сорвать ей нельзя, рук нет. Царский сын гулял и видит, что у них яблочки надкусанные. Приходит, отцу-матери рассказывает: «Батенька-маменька! Что это у нас в лесу за зверок такой? Яблочки не сорваны, а надкусаны. Знать какой-нибудь зверок, говорит, есть. Батенька и маменька, говорит, позвольте мне, говорит, погулять с собачками». Отец позволил.

Пошел он гулять, ходил, ходил по саду с собачками и пришел к малине; тут так пристали собачки, брешут (лают). Он и говорит: «Скажи, кто есть христианин? Коли старая старушка, будь мне бабушка. Коли молодая молодуха, будь мне тетушка; коли красная девица, будь мне невеста. А коли не выйдешь, так я собачками затравлю!». Вот она и вышла, и такая-то красавица девушка, только без рук. Привел он ее к отцу, к матери; просит у отца-матери позволения жениться. Они своего сына уговаривать: «Мы тебе возьмем с именем, богатую, а эта безрукая!». Он и говорит: «Не вам с ней век вековать, а мне». Они позволили жениться, — он на ней женился.

Сделалась она беременна, а он уезжает и отцу-матери приказывает: «Маменька-тятенька! Не бросьте мою хозяйку при этом случае». Вот она потом ему родила сына по локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а на затылке красно солнце. Отец с матерью пишут к своему сыну письмо. «Дитячко наше милое, любезное! Родила твоя хозяйка дитище, и мы отроду такого не видали; такого бог дал дитя, свету просвещение». И послали человека с письмом к нему, к сыну. Вот человек пошел с письмом и, не зная, зашел к снохе, которая дитячку-то зарезала. Она этого человека так приласкала, напоила, накормила и постель постлала. Он лег спать и уснул. Она, взяв это письмо, изорвала и написала к нему другое письмо: «Дитячко милое! Родила твоя хозяйка, а наша невестка такое дитище, что мы отроду не видавали: волчиные лапы, медвежьи взгляды, собачья морда». Принес этот человек ему письмо, он оттуда письмо пишет: «Милые папенька-маменька! Не трожьте (трогайте) мою хозяйку до моего приезда». Он опять, человек этот, опять зашел к этой женщине. Она опять его припокоила и пар ему собрала, он полез париться. Она сейчас проглядела письмо и изорвала и написала письмо: «Милые мои папенька и маменька! Чтобы к приезду моему моей хозяйки не было, чтоб сослать ее». Вот человек, не зная, приносит к отцу-матери письмо. Отец с матерью прочитали, слезно заплакали. «Ну, говорит, милая невестушка! Нельзя нам тебя держать». Взяли ее одели, за пазушку ребеночка положили и сослали ее со двора.

Она и пошла, ходила, ходила да к речке и пришла. Захотелось ей напиться, она принагнулася; ребеночек у ней упал в речку из пазухи. Идет старичок и говорит: «О чем ты, голубушка, плачешь?». — «Батюшка мой, у меня вот ребеночек в реку упал, а мне нечем достать его: у меня рук нету». Он и говорит: «Поди, вон стоят два колодезя. Налево колодезь стоит, ты поди посмотри в него, а направо-то колодезь стоит: правой кухтой (оставшейся частью руки) перекрестись да окуни в колодезь-то, а потом, говорит, левой кухтой перекрестись да окуни в колодезь». Она пошла, правой-то перекрестилась, окунула, ей бог дал руку, она другой перекрестилась, окунула, ей бог дал другую. Потом пошла, подходит к речке: ребеночек ее сидит, играет цветочками. Это уж господь бог его вынул. А старичок и спрашивает: «Что ж ты, милая, у этого колодезя видела, который на левой руке?». Она говорит: «Там, говорит, я видела ужи, змеи, всякая гадина». — «Тут-то, говорит, твоей снохе-то быть, а ты, говорит, ступай; спаси тебя бог!».

Она шла, шла и пришла к своей снохе-то и попросилась ради Христа ночевать. А на то время ее брат и муж приехали из полка и добиваются, кто бы сказал сказочку хорошенькую. Она и говорит: «Коли угодно, господа, я вам скажу сказочку. Только я стану сказывать — не перебивать и из комнаты не выходить»...

(Село Жолчино Рязанского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.